

Эта трудная простота...

Белорусский академический театр имени Янки Купалы показывал премьеру — «Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе. Среди исполнителей главных ролей был дебютант — Павел Васильевич Кормунин, пришедший на купаловскую сцену из Казанского драматического театра. Задача перед ним стояла архитрудная: русский актер должен был сыграть на белорусском языке роль грузинского крестьянина. Чего это стоило, знал, наверное, только сам Кормунин. Может быть, еще и завлит театра Юрий Гаврук, писатель, переводчик, помогавший актеру овладеть белорусским языком. Трудлюбие, упорство Кормунина вызывали уважение коллег, а режиссера-постановщика Р. Агамирзяна радовали тонкая интуиция, яркий темперамент исполнителя роли Илико.

Когда на премьерном спектакле зажглись софиты и два грузинских крестьянина, Илико и Илларион (В. Дедюшко), повели свой неспешный, полный юмора спор-разговор, никто из зрителей не мог и догадаться, каких усилий стоило артисту «рождение» Илико. Был его герой легок, подвижен, удивительно достоверен. Критика, высоко оценившая спектакль, немало похвальных слов адресовала и Павлу Васильевичу.

Так актер П. В. Кормунин вошел в семью купаловцев. Потом были другие роли. Одна из них вскоре закрепила за Кормуниным репутацию талантливого драматического актера. Это был сыгранный в «Традиционном сборе» В. Розова Максим Петров, мойщик машин на автозаправочной станции. Когда-то в юности обещал Максим много, прошел фронт, а после войны словно сломался, запил, опустился. Максим Петров в исполнении Кормунина осознавал всю глубину своего падения, тяжесть вины перед собой — и в этом была его драма, которую он тщательно скрывал от чужих глаз. Лишь на встрече однокурсников, перед своей юношеской любовью Лидой чуть приоткрывается Максим, да и то — заслонясь иронией, насмешкой над собой: мы, мол, люди из несостоявшихся. Только глаза выдадут боль и отчаяние. Но Розов — добрый драматург, он подарит своему оступившемуся герою надежду на возрождение. Эта надежда робко коснется души Максима, она еще не проросла, не пустила корни, но что-то неувлимо меняется в нем. Тонко, виртуозно передает актер сложнейший психологический процесс «выпрямления» своего героя.

В роли Максима Петрова ярко проявилась

особенность дарования Кормунина — поразительная простота, естественность, достоверность. Когда он на сцене, в роли, кажется, исчезает актер и появляется живой, неповторимый человек. Глядя, например, на его мойщика машин в «Традиционном сборе», невольно представляешь себе, что так, должно быть, говорит, двигается в жизни сам актер. Но это неверно! Каждая роль Павла Васильевича — высокое искусство, тщательнейший отбор деталей. Мастерство это пришло не сразу, нелегко.

Поначалу, в далекой юности, думалось совсем иначе. «Быть артистом — легко и радостно!» — так считал восемнадцатилетний Паша Кормунин, вчерашний «фэззушник», электромонтер, постоянный участник любительских спектаклей, быстро завоевавший популярность среди односельчан. Он брался за любые роли, играл их азартно, неизменно срывая аплодисменты, и потому уверовал в свою одаренность. Как-то клубная самодеятельность решила ставить «Грозу» А. Островского. Кормунин выбрал для себя Кудряша (он уже тогда отдавал предпочтение характерным ролям). Вдруг исполнителя роли Бориса отправляют в командировку. Режиссер — к Кормунину:

— Паша, выручай, сыграй Бориса!

— Э, неинтересная роль! — уперся было любимец публики.

— Паша, больше никому, а ты все можешь.

Похвала сразила. Паша сдался. Но репетировал нехотя, небрежно проговаривая текст. Режиссер обеспокоенно заметил:

— Что-то не очень выходит у тебя, Паша!

— Ничего, я потом, на спектакле заиграю, — бодро заверил его «премьер».

На спектакле он действительно «заиграл», да так, что каждое появление меланхоличного Бориса публика встречала дружным хохотом. Спасаясь от позора, молодой электромонтер бежал в тот вечер из клуба через окно. На этом комичном эпизоде чуть не закончилась артистическая карьера Кормунина. Долго не мог он забыть своего провала. Но страсть к сцене все же победила. Жестокий урок пошел впрок. На всю жизнь его правилом стало: «Не будет «потом», все надо делать сразу».

Когда Павел Васильевич, уже много позже, пришел на профессиональную сцену, его трудлюбие, требовательность к себе ставились в пример. Он попал в Казанский драматический театр, снимавший известность актерами и режиссурой, прошел здесь хорошую школу

и постепенно завоевал право на первые роли. Сыграл он, например, Акима во «Власти тьмы», Андрея в «Женитьбе Белугина», Тихона в «Грозе».

В 1963 году П. В. Кормунина пригласили сниматься в фильме по пьесе А. Макаенка «Лявониха на орбите». Когда режиссер фильма П. Василевский увидел артиста из Казани, он был явно разочарован: «Ну какой из этого длинного, худого — Лявон?» Драматург тоже не скрыл сомнений: русский актер в роли белорусского крестьянина?.. Но когда Кормунин, чуть загримировавшись, сыграл перед ними несколько фрагментов будущего фильма, точно передав прижимистость, крестьянскую хитрость, упрямый нрав Лявона, артиста утвердили на главную роль. Потом последовало приглашение в театр имени Янки Купалы.

Успех пришел в первых же спектаклях — «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Традиционный сбор». Однако самый серьезный экзамен был для него впереди. Белорусский государственный академический театр имени Янки Купалы, флагман сценического искусства республики, славился не только замечательными артистами, но и своим национальным репертуаром, крепкими связями с белорусскими драматургами, в становлении которых он сыграл немалую роль. Чтобы стать истинным купаловцем; мало было изучить белорусский язык — надо было проникнуться жизнью народа, постичь суть национального характера.

Первый такой экзамен Кормунину предстояло выдержать в спектакле «Рудобельская республика» по одноименной повести С. Граховского.

Театр решил воссоздать на сцене одну из героических страниц истории Белоруссии, борьбы за Советскую власть жителей маленькой, затерянной в лесах деревни. Спектакль в целом не очень удался: документальная проза в инсценировке потеряла свое напряжение, динамику, внутреннюю логику событий. Но сыгранная Кормуниным роль деда Терешки была безусловной творческой победой. Долговязый, нескладный, в слишком просторной старой свитке. Говорил он, словно захлебываясь, глотая звуки. Казалось, какая-то волна несет этого человека. Он то ныряет, то выплывает. Волна эта — революция, которая дала ему, бедному крестьянину, свободу и землю. Век он прожил в нищете, унижении. А тут проснулось желание «человеком зваться». Но робость и решимость еще борются в душе

Терешки, ставя его то в комические, то в драматические ситуации. Вот предводитель сельской бедноты Соловей зовет крестьян идти сбивать замки на кулацких амбарах. Терешка Кормунин вскакивает, словно пружинной подброшенный, на лице его испуг, смтение. Глотнув воздух, решительно произносит: «Идемте!» — и... направляется в противоположную сторону.

Полна комизма и другая сцена, в которой дед Терешка берет в плен солдата-оккупанта. Собственно, кто из них кого берет в плен — это не сразу удается выяснить им самим. То один, то другой хватается за оружие и выкрикивает: «Руки вверх!», а потом: «Дай прикурить!». Сквозь юмор проступает серьезная мысль о пробуждении классового самосознания в темном, забитом белорусском крестьянине.

После «Рудобельской республики» Павел Васильевич Кормунин получил полное право называться истинным купаловцем.

Он пришел в театр, когда здесь шла смена поколений. Процесс это трудный, но неизбежный. Вместо ушедших актеров, чьи сценические создания стали классикой, вводились новые исполнители. Так, в восстановленном спектакле «Константин Заслонов» Кормунин получил роль Кропкин, которую раньше играл знаменитый Г. Глебов. Как он играл — Павел Васильевич не видел, но очень ярко представлял. Это сковывало, лишало веры в себя, доводило до отчаяния. Только перед самой премьерой, словно через заслон прорвался, выплеснулся кормунинский темперамент, живыми токами наполнились слова, жесты. И зритель принял нового Кроплю.

Потом П. В. Кормунин играл Лявона в «Разоренном гнезде» Я. Купалы, Чернушку в инсценировке романа И. Мележа «Люди на болоте», Степана Криницкого в «Павлинке», во многих других современных и классических пьесах.

Сегодня Павел Васильевич Кормунин, народный артист БССР — один из самых «репертуарных» в театре (и в кино им сыграно более пятидесяти ролей). Он принадлежит к той плеяде мастеров купаловской сцены, которые приняли эстафету от старшего поколения и с честью несут ее, приумножая славу ведущего драматического театра республики, который отметил недавно свое шестидесятилетие.

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
6. МИНОК

149 FEB 1981